

Иван Иванович Панаев

Спальня светской женщины

Иван Панаев

Спальня светской женщины

«Public Domain»

1834

Панаев И. И.

Спальня светской женщины / И. И. Панаев — «Public Domain», 1834

«Въ свѣтлый и теплый день апрѣля мѣсяца 183* года, въ началѣ 3-го часа, Невскій проспектъ суетился толпами пѣшеходцевъ, гремѣлъ скачущими экипажами и чопорно красовался вывозною мишурностью своего убранства, на которое глядѣло гордое солнце, съ истинно-русскою щедростью разсыпая золото лучей своихъ...»

© Панаев И. И., 1834

© Public Domain, 1834

Содержание

I.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Иван Иванович Панаев

Спальня св#тской женщины

(Эпизодъ изъ жизни поэта въ обществ#.)

Посвящается В. И. Панаеву

I.

Что жъ сердце юноши трепещетъ?

Какой заботой онъ томимъ?

Александръ Пушкинъ.

Въ св#тлый и теплый день апр#ля м#сяца 183* года, въ начал# 3-го часа, Невскій проспектъ сутился толпами п#шеходцевъ, грем#ль скачущиими экипажами и чопорно красовался вывозною мишурностью своего убранства, на которое гляд#ло гордое солнце, съ истинно-русскою щедростью разсыпая золото лучей своихъ. Пестрота, переливъ красокъ, произительные крики форейторовъ, карканье разнозчиковъ, стукъ колесъ, хлопанье бичей, громъ барабана и пискъ фл#йты, возв#щавшіе окончаніе развода, – все это съ перваго взгляда очаровывало зр#ніе и пріятно отзывалось въ ушахъ новопрі#зжаго провинціала, было такъ привычно слуху безсм#ннаго жителя столицы...

«Пади! пади!» – грозно кричалъ плечистый и длиннородый кучеръ, ловко управлявшій парой статныхъ коней, запряженныхъ въ щегольски отд#ланную коляску... «Пади!» повторялъ онъ; но молодой челов#къ, къ которому относилось это громозвучное *пади*, будто окамен#лый, стоялъ посреди улицы. Стремительный б#гъ коней угрожалъ ему р#шительной гибелью, – одна минута – и онъ былъ бы раздавленъ, какъ вдругъ кто-то сзади схватилъ его за руку и оттащилъ въ сторону. Онъ обернулся. То былъ адъютантъ съ плутовскимъ взглядомъ, съ ироническою улыбкою и съ блестящимъ аксельбантомъ.

– Что съ тобою, Громекинъ? тебя, милый, раздавятъ, – сказалъ онъ дружески молодому челов#ку, подводя его къ тротуару. – Безпечно мечтать можно только въ своемъ кабинет#.

Тотъ будто очнулся отъ сновид#нія, протеръ глаза, взглянулъ на своего избавителя, не произнесъ ни слова, кр#пко сжалъ ему руку и исчезъ въ толп#...

Съ перваго взгляда этотъ молодой челов#къ не былъ зам#чателенъ. Довольно м#шковая тая одежда его придавала ему странный, даже, если хотите, см#шной видъ, а шляпа съ широкими полями бросала грубую т#нь на лицо. Походка его была скоро, связана неловкостью и не рассчитана модою. Но если бы вы взглянули на него въ ту минуту, когда онъ, проб#жавъ до своей скромной квартиры, на углу Итальянской улицы, съ быстротою пом#шаннаго, усталый, кинулся на диванъ, сбросивъ свою шляпу, – о! васъ в#рно поразили бы благородныя и привлекательныя черты его, несмотря на то, что он# выражали какое-то необыкновенное разстройство и были напряжены усталостью.

– Это опять *она!* – произнесъ онъ съ энергическимъ восторгомъ, съ дикою радостью, какъ челов#къ, долго искавшій чего-то и наконецъ нашедшій желанное.

– Это опять *она!* – повторялъ онъ – и черные глаза его сверкали осл#пительнымъ заревомъ страсти, и длинные кудри темныхъ волосъ его распадались въ завидномъ безпорядк#....

Ему было не бол#е 20-ти л#тъ!..

Читатели в#рно не удивятся, если узнаютъ, что поразило его до такого окамен#нія и едва не подвергло безвременной смерти. То была, говоря изобр#тательнымъ языкомъ св#тскаго челов#ка, очаровательная, какъ поц#луй, соблазнительная, какъ гр#хъ, задумчивая, какъ мечта, головка женщины, едва от#ненная легкою блондою шляпки и граціозно высу#нувшаяся изъ окна богатой кареты, которую мчала четверня. Головка, которая уже въ третій разъ являлась юнош#, какъ роскошное сновид#ніе, и которая такъ жестоко вскружила ему голову!..

Въ мучительномъ и отрадномъ волненіи провелъ онъ весь этотъ день; а ночь утопалъ въ волнистой, усладительной грез# или вздрагивая отъ страшнаго замиранія сердца... То передъ нимъ разстилался необозримый садъ съ невиданною роскошью цв#товъ, между коими была вс#хъ привлекательн#е, вс#хъ душист#е пышная роза. Онъ хот#лъ сорвать эту розу, но стебелекъ ея вырывался изъ рукъ его, а роза росла, росла, – и вдругъ сладострастно раскидывалась передъ нимъ чудною незнакомкою, идеаломъ души его... То бурное море плескало у ногъ его съ воплемъ гибели – и изъ своей бездонной челюсти выкидывало трунъ женщины. И эта женщина была все *она*, она, далекая отъ него, не в#давшая объ немъ, но такъ давно знакомая его распавшемуся воображенію! она, – поэтическая греза его фантазіи, вырывавшейся на свободу. Она, – божество, передъ которымъ, кол#нопреклоненный, онъ залепеталъ первую гармоническую молитву!..

Но мы оставимъ до времени разложеніе внутренняго быта героя нашей пов#сти и перейдемъ къ наружному, въ нетерп#нніи короче познакомить съ нимъ нашихъ читателей.

Викторъ Громскій почти не зналъ своихъ родителей. Онъ лишился ихъ въ такіе годы, когда не могутъ чувствовать вполн# муки этой потери. Порой, какъ сквозь фату сновид#нія, мелькалъ передъ нимъ легкой т#нью образъ его матери, простирившей къ нему съ любовью руки; порой съ неизъяснимою прелестью рисовались передъ нимъ сцены изъ его д#тской жизни: старая его няня съ очками на носу, съ платкомъ на голов#, скрывавшимъ ея с#дые волосы, съ чулкомъ въ рукахъ, съ чудною сказкою въ устахъ, прерываемой брюзгливымъ ворчаніемъ при спусканіи петель; портретъ Кульнева съ длинными страшными усами, украшавшій обитыя пестрыми обоями ст#ны гостиной, вм#ст# съ какими-то другими портретами, портретъ, который бол#е вс#хъ впечатл#лся въ памяти юноши, потому что имъ пугали его д#тское воображеніе, стараясь предупредить отъ шалостей, и который зам#нялъ ему стращанье трубочистомъ. Но воспоминаніе обо всемъ этомъ безотчетно и прихотливо проб#гало по струнамъ его сердца, не извлекая полного потрясающаго аккорда. Онъ не зналъ даже, что эти наивныя сцены первыхъ беззаботныхъ сознаній его бытія разыгрывались въ небольшомъ домик# небольшой деревни его матери, въ одномъ изъ у#здовъ П** губерніи. Ему передали объ этомъ посл#. Яркая, благод#тельная, часто неумолимая память вполн# начала осв#щать его только съ пребыванія въ Петербург#. Его привезли туда 9-ти л#тъ для того, чтобы опред#лить въ казенное заведеніе учиться, а учиться для того, чтобы, не препинаясь чиномъ титулярнаго сов#тника въ силу Указа, прямо быть произведена въ коллежскіе асессора, безъ рокового экзамена на 40-л#тнемъ возраст# жизни; къ тому же, какія удивительныя привилегіи: прямо чинъ 10-го класса при вступленіи въ службу!.. Это необъятно роскошная мысль для провинціального чиновника.

Время отъ складовъ азбуки до *окончанія полного курса наукъ по аттестату* казалось другимъ в#чностію, ему – мгновеніемъ. Въ 16 л#тъ, при гром# музыки, при многочисленномъ собраніи пос#тителей, ему вручили аттестатъ – и распахнули передъ нимъ широкую парадную дверь, за которой манила его свобода и роскошно соблазняла своими объятіями.

Пансіонскія занятія его были слишкомъ ограничены для полного дарованія. Онъ стремился въ даль, онъ жаждалъ познаній и, неудовлетворенный, часто наказанный за опрометчивость, пристыженный товарищами, которые называли его *выскачкой*, – онъ горько плакалъ!..

Одно изъ укорительныхъ словъ, неразлучно связывавшихся съ его именемъ – было *поэтъ*. Такъ величали его школьные товарищи съ насмѣшливой улыбкой, потому что порой заставляли молодого человѣка задумавшагося надъ клочкомъ бумаги съ сверкающими очами, съ восторгомъ самозабвенія въ выразительныхъ чертахъ лица!

– Что, у кого укралъ? у кого выписалъ? – съ хохотомъ кричали школьники, вырывая у него этотъ клочокъ, который онъ готовъ былъ защищать, какъ свое единственное сокровище.

Шумъ, громъ, неистовыя забавы дѣтства никогда не запутывали его въ тѣсный кружокъ свой. Отъ этого онъ былъ нелюбимъ большею частію своихъ товарищей. – Лѣстуха! – дразнили его нѣкоторые, – трусь! – кричали другіе... – Да онъ фискаль! – съ таинственностью прибавляли третьи.

Громскій не оскорблялся всѣми этими титулами, которыми такъ щедро награждало его безразсудное и беззавѣтное дѣтство. Онъ былъ выше ничтожныхъ и неотразимыхъ мелочей ученическаго быта. Онъ уже тогда начиналъ жить въ другомъ мірѣ, въ заманчивомъ мірѣ воображенія, который онъ населилъ по своей прихоти очаровательными въ поэзіи, несбыточными въ существенности, образами. Съ этими образами онъ любовно сжился – и думалъ всегда роскошно лелѣять ихъ у своего горячаго сердца. На нихъ онъ создалъ впослѣдствіи смѣшное и шаткое, высокое и прекрасное понятіе объ обществѣ!..

Несмотря на свою любовь къ одинокости и уединенію, онъ, съ свойственною благороднымъ душамъ пылкостью, жаждалъ дѣлиться чувствами и мыслями съ другимъ существомъ. Чувства и мысли переполняли его и вырывались наружу, будто пѣна кипящей влаги, льющейся чрезъ края бокала.

Между всѣми товарищами своими онъ давно отличалъ одного, – и этотъ одинъ безъ зова подаль ему руку, и онъ крѣпко сжалъ ее въ знакъ согласія. Они прежде были раздѣлены классами, потомъ соединились въ одномъ и еще лучше поняли другъ друга. Съ той минуты они были неразлучны.

Графъ Вѣрскій, надѣленный способностями, гибкимъ умомъ, привлекательною наружностью, граціозный и ловкій сыздѣтства, самодовольный знатностію своего рода, не упустившій изъ виду мелкихъ блесковъ образованія и умѣвшій, несмотря на свою молодость, понимать въ другихъ безкорыстное стремленіе съ познанію науки, любившій гармонію поэтическихъ звуковъ, по противоположностямъ, такъ часто сходящимся въ природѣ, сошелся съ дикаремъ Громскимъ. Онъ подмѣтилъ въ немъ рѣзкій, хотя и нелюдимый умъ, и провидѣлъ пылкое дарованіе.

Съ этой минуты всѣ товарищи Громскаго перемѣнили свое насмѣшливое обращеніе съ нимъ, потому что они имѣли высокое понятіе о графѣ, а графъ сдѣлался его открытымъ другомъ.

Тотъ, чье воспитаніе выбѣгло одинокой струей изъ-за четырехъ угловъ домашней комнаты и, упавая, сливалось съ шумящими безчисленными струями истока, стремящагося съ силою вдаль въ безграничное и неисчерпаемое море просвѣщенія, или, выражаясь проще и вѣрнѣе по-русски, кто высиживалъ въ общественномъ заведеніи время до полученія привилегированнаго аттестата, тотъ хорошо знаетъ, что такое школьная дружба и школьное первенство, рѣзко отличающее почему-нибудь одного передъ десятками товарищей.

Школьная жизнь есть тѣсная рама будущей обширной жизни; литографированный листъ бумаги, въ жалкихъ размѣрахъ сияющей представить огромную картину великаго художника. На этомъ листѣ вы не видите ни бури души, ни молніи вдохновенія, ни восторга, который уноситъ художника какъ летучую звѣзду въ объятія необъятимаго неба, или, съ гигантскимъ свѣточемъ, низвергаетъ во тьму преисподней; на этомъ листѣ только одинъ абрисъ, только одинъ очеркъ, только одна легкая тѣнь; но, несмотря на это, вы все-таки по немъ будете имѣть слабое, хотя запутанное, и изглаживающее понятіе о чудномъ величій картины!

Школьная жизнь – это клубок нравственных сил человека, который со временем, по воле всемогущей судьбы – или разворачивает вполне бесконечную нить свою, или останавливается на половине, или иногда остается вовсе неразвернутым. Страшная игра! Судьба прихотливо и беззастенчиво, с улыбкой забавы, держит в руках этот клубок – и небрежно бросает его с большею или меньшею силою!

Куда же укатывается он!

* * *

Бедные! мы с трепетом безумного ожидания, в нетерпении юности, хотим, чтобы этот клубок катился вдаль, чтобы он развернулся скорее, и не заботимся, по какому направлению побужить он. Мы жаждем и ищем впечатлений, спешим мужать и в раму 20-ти лет вместили тяготу 40-летней опытности.

Заметьте: с самых юных и несознательных лет, начиная играть с неизменною книгою жизни и перебирая листы ее, мы невольно, если хотите, инстинктивно, останавливаемся на самых заманчивых главах этой книги. Слова: *дружба, любовь* – так утешительно ластятся около нашего воображения, которое с каждым днем раскрывается сильнее и сильнее; так манит наше любопытство, что мы уже начинаем мечтать об осуществлении этих слов. Эти слова длаются для нас новыми игрушками – и мы с жаром принимаемся обновлять их: мы ищем друга, еще не понимая значения сего слова и, кажется, находим его, создаем в голове своей предмет любви и обожаем его. Это забавная игра в дружбу и любовь!

В школьной жизни вы встретите всего человека в миниатюре, с его честолюбием, гордостью, самоотвержением, эгоизмом. Отсюда проявление политической деятельности, заключенной в четырех стенах классной комнаты; сила временщиков и низость льстецов, партии, беспорядки и проч.

И все это, повторяю, не больше, как игра в куклы!

Варский был один из самых сильных временщиков – и его товарищи робко преклонялись пред ним. Он был мускулист, силен и вместе с этим статен и ловок. Качества, почти несоединимые и всего больше замечательные в лета развития... Сила всегда заставляет трепетать безсильных, а тот, перед кем мы трепещем, невольно длается нашим идолом. Физическая сила – есть единственная аристократия пансионского мира; другой в нем не существует. Товарищи Варского никогда не называли его графом, всегда силачом-Варским. – Дружба его была значительна, и следствия такой дружбы благотельны для Громского: его перестали дразнить именем *поэта*; это имя придавали ему по-прежнему, но с уважением, стали даже находить в нем множество других достоинств, которых не хотели замечать прежде, и с гордостью присваивать себе его ризы, хотя часто опрометчивые суждения о предметах.

Поэт-Громский и сплать-Варский были всегда вместе: – и во время отрадных гуляний, и во время мимолетных повторений, и в классах на бесконечных и монотонных лекциях профессоров. Дружба их не колебалась.

Оставалось полгода до их выпуска.

В один вечер послужина, в половине 10-го часа вечера. Громский, одинокий и задумчивый, сидел в классе. На длинном и высоком столе, окрашенном темно-зеленою краскою, стояла в низком оловянном подсвечнике нагоревшая свеча, едва освещая глубокую комнату. В послднее время дозорные взгляды товарищей начали подмечать, что Громский как бы старался убогать своего друга, что он чаще прежнего уединялся и становился задумчивее. – Тихомолком шли разные толки; вслух еще ничего не говорили.

Дверь скрипнула, Громскій вздрогнулъ и оглянулся. Передъ нимъ стоялъ молодой графъ.

— Что съ тобою, Викторъ? — безопасно произнесъ онъ, з#вая... — Вотъ уже три нед#ли, какъ не одинъ я зам#чаю въ теб# страшную перем#ну. Ужъ не грядущій ли экзамень заставляетъ тебя задумываться? Право, теб# нечего бояться тупой ферулы профессора.

Викторъ горько улыбнулся.

— Ты слишкомъ мало знаешь меня, — возразилъ онъ, — иначе не вытаскивалъ бы грусти моей изъ такого мутнаго источника... Къ тому же разв# моя задумчивость диковинка? — разв# я въ первый разъ б#гу отъ шума и зажимаю уши отъ пустор#чья? Мн# можно задумываться о будущемъ: передо мной еще лежитъ много труда: обокъ съ трудомъ долженъ я итти въ жизни, чтобы продлить существованіе. Теб# изв#стно: я б#день! я не им#ю имени въ св#т#...

Александръ! я не могу думать ни о жирныхъ об#дахъ, ни о знаменитыхъ покровителяхъ, ни о блестящихъ друзьяхъ... И, произнеся эги посл#днія слова, юноша устремилъ боязливые и проницательные взоры на своего товарища.

— В#рно ты вс# эти дни вставалъ л#вой ногой съ постели, — шутя зам#гилъ В#рскій. — Какія черныя мысли! передъ нами разстилается необозримая зала удовольствій: роскошь, н#га, очаровательныя женщины. Мы будемъ д#литься вс#мъ, вс#мъ, даже и наслажденіями. В#дь ты мой единственный другъ, Викторъ? Я не изм#нюсь къ теб# никогда. Мы такъ же, какъ теперь, будемъ неразлучны. Не правда ли?

— Мн# кажется, ты позабываешь, что не всегда одна кровля будетъ соединять насъ. Какой-нибудь домикъ на Пескахъ, вросшій въ землю, слишкомъ далеко отъ грандіозныхъ палатъ Англійской набережной... Зыаешь ли, сколько верстъ разстоянія между ними? Для дружбы необходимо единодушіе, для единодушія — равенство... Раззолоченныя прихоти аристократа не сойдутся съ воздушными фантазіями плебея!

— Между нами н#тъ никакого разстоянія, никакого различія! — съ прим#тнымъ негодованіемъ воскликнулъ В#рскій... — Въ моихъ понятіяхъ существуютъ одн# только нравственныя границы между людьми... Я знаю, что умъ и глупость никогда не могутъ сойтись. Разсужденія въ сторону, — прибавилъ онъ съ улыбкою. — Если бы какой-нибудь фокусникъ изобр#лъ нравственные в#сы и мы захот#ли бы узнать, чей мозгъ потянетъ тяжеле, — право, я остался бы въ наклад#... Кто жъ, какъ не я, долженъ дорожить посл# этого твоей дружбой?

— Такъ ты не изм#нишься ко мн#, такъ наша школьная дружба не будетъ казаться теб# см#шною?

— Да избавить тебя Аполлонъ отъ такой мысли! Такая мысль недостойна тебя! Ты всегда смотришь на міръ изъ окна пансіона въ радужное стеклышко поэзіи, а на меня вздумалъ смотр#ть въ какія-то закопченныя стекла! Брось ихъ ради Бога! взгляни на меня поопрежнему своими глазами, и я в#рно не буду теб# казаться арабомъ.

Мы привели зд#сь этотъ разговоръ для того, чтобы точн#е показать читателямъ отношенія, которыя связывали Громскаго съ молодымъ графомъ. Наступило время выпуска — и они должны были поневол# разстаться: графъ вступилъ въ военную службу; Громскій нанялъ небольшую комнату въ Итальянской улиц#. Графъ черезъ полгода произведенъ былъ въ офицеры; Громскій продолжалъ свое образованіе въ университет#. Графъ на лихой четверн# раз#зжалъ по театрамъ и баламъ, кружился въ вихр# большого св#та и кружилъ другимъ головы; Громскій всякій день, несмотря на дождь и грязь, смиренно проходилъ п#шкомъ опред#ленное пространство отъ Итальянской до Семеновскаго полка. Черезъ три года посл# выпуска графъ былъ произведенъ въ поручики и назначенъ адъютантомъ къ своему дяд# барону М*; Громскій получилъ аттестатъ на званіе кандидата. Графъ пріобр#лъ много опытности, коротко ознакомься съ св#томъ; Громскій остался съ прежними понятіями о людяхъ, потому что онъ такъ же, какъ и прежде, былъ далекъ отъ нихъ. Несмотря на все это, въ свободное отъ занятій время Громскій бывалъ у графа, графъ изр#дка пос#щаль

Громскаго и одинаково былъ съ нимъ радушенъ. Но Громскій въ роскошномъ кабинет# графа, окруженный новыми его друзьями – знатною молодежью, чувствовалъ себя лишнимъ, боялся разстроивать его своимъ появленіемъ, но все не переставалъ любить его по-прежнему. Графъ въ т#сной и голой комнат# поэта былъ какъ бы не на своемъ м#ст#, казался озабоченнымъ ч#мъ-то, н#сколько принужденнымъ. Оба изб#гали разговора, который бы могъ напомнить имъ прежнюю ихъ короткость и оправдать Громскаго, котораго предположенія такъ скоро сбывались.

Онъ не скучалъ въ своемъ уединеніи, потому что ему некогда было думать о скук#. Ц#лые дии просиживалъ онъ, углубленный въ чтеніе... Наука широкимъ и в#твистымъ деревомъ раскидывалась надъ его головою, и онъ съ наслажденіемъ рвалъ плоды съ этого дерева. Любимымъ поэтомъ его былъ Шиллеръ; онъ изучалъ пламеннаго, в#чно юнаго, в#чно восторженнаго выродка изъ германцевъ... Д#вственная душа его отрадно разн#живалась гармоніей небесныхъ звуковъ. Онъ дивился могущему, всеобъемлющему генію Шекспира и Гёте; онъ укр#плялся въ борьб# съ исполинами н#мецкой философіи, заимствуя огъ нихъ стальную кр#пость р#чи, быстрый лаконическій напоръ идей, и все это закаляя пламенемъ своей души, ярко и блистательно вспыхивавшей. – Время лет#ло для него незам#тно, и уже весеннее солнце 183* года р#зко вонзало лучи свои въ тонкія и грязныя льдины Невы. Мартъ былъ въ половин#. Утромъ 13-го марта Громскій шелъ по Большой Морской... Вдругъ карета, запряженная четвернею с#рыхъ рысаковъ, съ шумомъ подкатилась къ подъ#зду дома, къ которому подходилъ онъ. То былъ магазинъ Сихлеръ. Ступеньки кареты хлопнули, показалась очаровательная ножка, затянута въ черный атласный башмачокъ, потомъ маленькая св#тло-зеленая шляпка съ разв#вающейся блондою, подъ шляпкой темная тесьма каштановыхъ волосъ и личико, будто сейчасъ снятое съ картины Рафаэля... Мигъ... Пл#нительная дама вспорхнула на л#стницу и уже была въ магазин#... Громскій, окамен#лый, стоялъ у подъ#зда съ помутившимися глазами. Это было чудное, соблазнительное явленіе для затворника. Его идеалы: Теклы, Маріи, Маргариты, Дездемоны, вдругъ зат#снились въ голов# его, путались, см#шивались и уничтожались – предъ этимъ живымъ существомъ, предъ этою граціозною, едва мелькнувшею незнакомкою, образъ которой неизгладимо съ перваго мгновенія вр#зался въ растопившееся сердце юноши. Минута любви прозвучала на часахъ его жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.